

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ РОСТОВСКОЙ ФИНИФТИ

М. М. Федорова

Проблем ранней ростовской финифти касались все исследователи, писавшие о промысле. До сих пор спорным является вопрос о времени возникновения в городе первых эмальерных мастерских. Местные авторы XIX в., краевед А. А. Титов и мастер К. Фуртов, считали, что финифть в городе появилась в начале XVIII в.¹ (Фуртов) или в «Во времена Анны Иоанновны...»², т. е. в 1730—40-е годы (Титов). Причины тому были названы разные. У Фуртова сказано, что «...ростовцы были отдаваемы в учение по финифтяному делу в Москву»³. Титов же только привел местное предание о заезжем итальянце, обучившем ремеслу местных жителей⁴. Больше внимания этому вопросу уделил И. М. Суслов⁵. В книге «Ростовская эмаль» автор исследовал художественные традиции Ростова, позволившие местным мастерам воспринять новую и столь сложную технику. Суслов впервые заговорил о связях Ростова с Москвой, Санкт-Петербургом и северными ювелирными центрами (Сольвычегодском и Великим Устюгом), которые могли повлиять на становление промысла. Первые документы о промысле, на которые ссылался Суслов, относятся к 1788 г. — времени организации финифтяной управы. На основании этого автор высказал мнение, что «...организация самого производства, естественно, возникла значительно раньше»⁶. Предположения, сделанные Сусловым нашли отражение и развитие в работах других исследователей⁷. Новый шаг, на наш взгляд, в изучении проблемы был сделан сотрудницей Сергиево-Посадского музея Л. А. Шитовой⁸. Она предположила связь между появлением мастерских и деятельностью ростовских владык, выходцев с Украины, откуда могли приехать в город первые художники-эмальеры. Шитова считает, что в 1760-е годы промысел уже сформировался. Вопросы о времени появления в Ростове первых финифтянщиков и о причинах зарождения здесь промысла остаются невыясненными до конца, но изучение местных архивов — Государственного архива Ярославской области (ГАЯО) и музейного позволяет внести и некоторые уточнения и сделать предварительные выводы.

Анализ коллекции ростовской финифти в музее и архивных документов свидетельствует о том, что в Ростове именно церковь была инициатором производства и основным за-

казчиком финифти, поэтому причины появления и развития в городе искусства живописи по эмали тесно связаны как с государственными преобразованиями, так и с состоянием Ростовской епархии в XVIII веке.

По свидетельству описи Архиерейского дома за 1691 год⁹, с живописью по эмали в Ростове познакомились еще в XVII веке через привозную, видимо, церковную утварь. Появление в архиерейской ризнице вещей, украшенных в тогда еще новой и дорогостоящей технике, вполне закономерно для такой богатой епархии, как Ростовская. Заказать утварь с живописной эмалью митрополит Ростовский и Ярославский Иона III (Сысоевич) мог в Москве, где три года управлял патриархией, а после удаления в Ростов в 1654 году, был там частым гостем¹⁰. Известно, что утварь с финифтью заказывал патриарх Никон¹¹, эту же традицию мог продолжить и его последователь — митрополит Иона Сысоевич. В середине XVII века живописную эмаль, не орнаментального характера, могли выполнить в русской столице только иностранные или киевские мастера. Видимо, того же происхождения была финифть на утвари, появившейся в архиерейской ризнице при митрополите Ионе Сысоевиче. Московские мастера в конце XVII века еще только осваивали новую технику, а предметы, упомянутые в описи 1691 года, были изготовлены, по крайней мере в последней четверти XVII века. Среди них встречаются изделия с эмалевыми изображениями ростовских святых, что, на наш взгляд, не является доказательством их местного производства, а свидетельствует о ростовском заказчике. Например, «Панагия складная серебрена золочена с финифтом в середине во изображен крест круг его три лала да три бирюзы в гнездах на другой стороне образ Спасителей да ростовских чудотворцев Леонтия Исаяи Игнатия и Якова с мощми...»¹². В документах XVII—XVIII вв. не указывается вид художественной эмали, украшающей предмет и эмаль живописную, как и эмаль по скани или литью называют «финифтом». Относительным ориентиром для нас может служить то, что говоря об одноцветной эмали, ее как бы уподобляли драгоценному камню, роль которого она зачастую играла, и писали — «с финифтом», как, например, с жемчугом или с бирюзой. Если же речь шла о живописной эмали, то, как правило, говорили, что изображение выполнено «финифтовою работою» или просто — финифтовое. В той же описи 1691 года мы встречаем «Образа Пресвятые Богородицы венцы сканные с финифтом...»¹³ или

«Крест большой золотой... над крестом два херувима финифтовые...»¹⁴.

Предположение И. М. Сулова о возможном производстве в Ростове в XVII в. финифти¹⁵, пусть даже и не живописной, пока не находит документального подтверждения, и у нас нет оснований сомневаться в том, что названные в описи 1691 года предметы с эмалью не были привозными. Известны документы и о появлении такой мастерской в первой половине XVIII в. Более того, допуская последнее, мы с трудом сможем объяснить тот факт, что желая восстановить в Москве эмальерное дело, русское правительство в 1745 году вызывает мастера из Сольвычегодска, минуя при этом более близкий Ростов¹⁶, а за секретами составления огнестойких красок отправляет экспедицию в Китай¹⁷.

Во времена Анны Иоанновны в ризнице архиерейского дома появляются новые вещи с живописной эмалью. В описи 1776 г.¹⁸ выделены панагии, оставшиеся после покойного Преосвященного Иоакима архиепископа Ростовского. На одной из них: «...в середине Распятие изображено на финифти»¹⁹. Архиепископ Иоаким правил епархией с 1731 по 1741 годы²⁰, учредил здесь по указу Анны Иоанновны славяно-латинскую школу при архиерейском доме, учителя для школы, за неимением русских, были вызваны из Малороссии. Как уже было отмечено Л. А. Шитовой²¹, этот факт позволяет предположить, что из Малороссии могли быть вызваны и финифтянщики. К этому же времени относит нас и местное предание о художнике итальянце, что завел учеников в Ростове. Но документальные свидетельства о появлении в городе финифтянских дел мастера относятся к более позднему времени.

При митрополите Арсении Мациевиче Ростовская епархия оставалась одной из самых крупных в России, большим числом крестьян владели только Московская и Новгородская епархии²². При этом митрополиту Арсению не на что было отремонтировать сгоревший при пожаре 1758 года архиерейский дом, так как он не мог свободно распоряжаться доходами с митрополии²³. Но и Арсений Мациевич приобретал или продолжал заказывать изделия с живописной эмалью. В упомянутой описи 1776 года есть список вещей, не явившихся (не оказавшихся) при проведении предыдущей описи 1763 года, но имеющих в наличии в 1776 году. Среди них четыре панагии, три — с финифтью, одна — с чернью. Видимо, Арсений Мациевич высоко ценил эти панагии, так как

о них содержатели ризницы показали: «Оные четыре панагии имеются из прежде построенных кои при прежнем в 1763 году освидетельствовании в ризнице не было потому что они митрополитом Арсением изъяты были из ризницы в келью его и потом по лишении его архипастырства с собственными ево пожитками имелись запечатаны, но напоследок в ризницу они отданы от ростовской духовной консистории в 1765 году»²⁴. Одна из них, с образом коронования Пресвятой Богородицы была вкладной.

Арсений Мациевич был личностью незаурядной. При нем были открыты мощи Дмитрия Ростовского и Арсений, после троекратного освидетельствования, добился признания его святым²⁵. Имя Арсения вошло в историю, как единственного из представителей высшего духовенства открыто выступившего против секуляризации церковных вотчин, за что он сначала был лишен сана, а затем расстрижен. При Арсении Мациевиче (1741—1762 гг.) в Ростовской епархии было 32 монастыря, 833 церкви, 7 архимандрий²⁶, все они время от времени, нуждались в поновлении церковной утвари. Описи имущества архиерейского дома и прихода-расходные книги 1780-х годов — бесконечные отчеты о переделках из старой утвари. В Москву отправляли митры, пуговицы, колотые финифтяные дробницы на серебре, служившие источником драгоценного металла. Все это использовалось для создания новых шапок — митр. Судя по описаниям, на митрах живописная эмаль соседствовала с изумрудами, яхонтами, лалами, алмазными искрами. Но на сохранившихся в собрании Ростовского музея митрах посл. четв. XVIII в. мы видим, что «драгоценная эмаль» осталась почти единственной драгоценностью, за исключением жемчуга и аметистов. Яркие насыщенные тона эмали смогли взять на себя декоративную роль драгоценных камней, значительно при этом удешевив изделие. Так, не финансовые ли трудности Ростовской епархии, обострившиеся после секуляризации церковных вотчин были одной из причин организации при архиерейском доме финифтяной мастерской. О связи манифеста 1764 года с возникновением финифтяного промысла в Ростове впервые было сказано у Л. А. Шитовой²⁷, но известно о существовании мастерской в 1760—70-е годы²⁸ при архиерейском доме, т. е. уже после обнародования манифеста, о работе городских мастерских документальных сведений нет. О связях ростовских финифтянщиков XVIII в. с архиерейским домом говорит и тот факт, что финифтяная управа была создана после

перевода архиерейского дома в Ярославль в 1788 году²⁹. В пользу того, что финифтяная мастерская была создана не ранее середины века, свидетельствует и то, что в ревизских сказках 1744 года по архиерейскому дому не отмечен финифтяных дел мастер, хотя есть упоминания о работавшем при архиерейском доме иконописце³⁰. Нам пока неизвестно, кто организовал мастерскую или пригласил в Ростов первого профессионального художника-эмальера, имел ли к этому какое-либо отношение Арсений Мациевич или инициатива принадлежала его преемнику — Афанасию Вольховскому, но первые документальные свидетельства о производстве в Ростове живописной эмали относятся к годам его управления епархией.

Афанасий Вольховский родился в Полтаве, в монашество был пострижен в Троице-Сергиевской обители, в лавре он девять лет преподавал богословие, был ректором семинарии, а в 1753 году стал архимандритом. Еще в 1747 году в лавру из Киевского Межигородского монастыря был вызван живописец иеромонах Павел Казанович вместе с двумя учениками, который должен был возобновить после пожара в обители живопись в церквях³¹. Павел Казанович возглавил иконописную школу в лавре, куда в качестве учеников, по указу архимандрита Афанасия, набирали способных детей из Холуйской слободы, принадлежавшей лавре³². Таким образом Афанасий Вольховский в 1763 году ставший архиепископом Ростовским и Ярославским, еще пребывая в лавре, решал вопросы по организации иконописного дела, привлекал для этого художников с Украины и из иконописного Холуя, о чем впоследствии напомним нам ростовская финифть второй половины XVIII века.

В описи 1776 года, по сравнению с предыдущими, гораздо больше вещей с живописной эмалью, некоторые из них выделены, как «построенные» Афанасием Вольховским. Например, «панagia и крест финифтяные, в серебре, на панагии, спереди образ Пресвятой Богородицы Смоленская, а с другой стороны изображены резьбою на серебре позолоченном страсти Христовы, на кресте Распятие Господие, а с другой стороны на серебре позолоченном изображен чернью образ Богоматери Симеоново пророчество»³³. Заметим, что живописная эмаль соседствует здесь с резьбой и чернью, стилистически, видимо, согласуясь с ними. Не имея в собрании Ростовского музея живописных эмалей первой половины и середины XVIII века, но сравнивая эмаль из

собрания Сергиево-Посадского музея и чернь начала XVIII в., а так же живописную эмаль 1770-х годов и чернь того же времени из собрания Ростовского музея, мы можем говорить об одном иконографическом прототипе, приемственности в рисунке и композиции. Указанные крест и панagia были изготовлены «из собственного его кошту»³⁴, т. е. на личные средства Афанасия Вольховского. Им же был переделан архиерейский посох с финифтью, заказана новая митра с образом покровителя архиепископа Афанасия Александрийского. Судя по возросшему числу вещей, в основном митр, с живописной эмалью из числа «вновь прибылых», можно предположить, что эмалевые дробницы производились уже в Ростове, Тем более, что к этому времени относится деятельность финифтяных дел мастера Гаврила Елшина.

О Гавриле Елшине содержатся немногочисленные сведения в книге И. М. Сулова³⁵, который в качестве источника информации ссылается на рукопись Ушакова, (местонахождение неизвестно). Опись имущества архиерейского дома за 1765 год включает «Ведомость... имеющимся в наличестве на 7 число декабря сего 1765 году домовым заготовленным к финифтяному делу и иконописному мастерству финифтам и разным краскам сколько их звания и весом...»³⁶. Перечисленные в «Ведомости...» краски финифтяных дел мастер Гаврила Елшин получал в 1766—67 годах. В примечании сказано, что пурпур Елшин брал для писания шапок, т. е. выполнял заказы архиерейского дома. Так как в архиерейском доме хранились художественные материалы для создания живописных эмалей, они не продавались, а выдавались мастеру для выполнения архиерейских заказов, следовательно Елшин работал в мастерской, принадлежавшей архиерейскому дому. На основании известных к настоящему времени документов, эту мастерскую мы можем считать первой в Ростове. Елшин ни разу не получал эмаль, три вида которой выделены в «Ведомости...» отдельно от красок, а из 19 красок использовал только шесть, и это позволяет предположить, что к 1766 году у него уже был какой-то запас материалов, т. е. он уже работал до указанного в документе срока. Не имея в музейной коллекции столь ранних датированных работ, но рассмотрев палитру красок, мы можем получить приблизительное представление о колорите ростовских эмалей того времени.

Прежде всего это «финифты» — эмалевая основа для росписи, то, что впоследствии стали называть бельем —

здесь белого, зеленого, лазоревого и желтого цветов. В настоящее время известны не все названные в документе краски, например, таусинная. Другие составляют яркую барочную гамму. Несколько видов зеленой — светлая, желтоватая и темная. Желтая — личная (надо полагать для писания ликов), густая, просто желтая. Пурпур — обычный, подрумяненный, фиолетовый. Кроме того — алая, лазоревая, два вида черной.

Архивные документы позволяют нам получить представление и о тематике работ, выполненных Елшиным или его современником в 1765 году. По описи вещей, хранившихся в кладовых палатах под церковью Воскресения³⁷, там находились комплексы миниатюр, предназначенных для украшения церковной утвари, своеобразные заготовки, которые отдельными пластинами или целыми комплектами рассылались по епархии. Среди них два комплекса для евангелия по пяти пластин каждый, причем, в одном случае, на центральной миниатюре изображен Спаситель, в другом — Распятие, что отличает их от дробниц для евангелий конца XVIII—XIX вв., где, как правило, на центральной пластине изображали сцену Воскресения. Композиция Распятия более ранняя и часто встречается на дробницах XVII — нач. XVIII вв., выполненных чернью. Другой комплект с изображениями Богоматери, Иоанна Предтечи и Саваофа, судя по составу святых, предназначался для митры. Отдельно названы пластины с изображением пророчицы Анны, ростовских святых Димитрия и Леонтия, Спаса Нерукотворного, которые могли использоваться самостоятельно, как небольшие иконки или образки. Семь из перечисленных работ были отправлены в Ярославль. Таким образом, Елшин или работающий рядом с ним другой ростовский мастер, обеспечивали своими работами не только ростовских архиерейский дом, но и рассылали их в другие города, где они могли продаваться в храмах.

Названные нами описи имущества архиерейского дома 1691, 1765 и 1776 годов содержат многочисленные описания изделий с живописной эмалью, хранившихся в ризнице. Но после перевода митрополии в Ярославль в 1778 г. туда же была отправлена и ризница, поэтому коллекция Ростовского музея не содержит описанных в них миниатюр. Самая ранняя финифть оказалась в Ярославле. Упомянутая панагия с образом коронавания Богоматери предположительно находится в собрании Ярославского музея-заповедника. По описанию это: «Панагия финфтяная круглая обложена се-

ребром прорезным с сиянием позолоченная на ней написан образ коронавания Пресвятой Богородицы... на другой той панагии — стороне в середине надпись вкладчикова, около оной средины панагии сияние незолоченое, при той панагии цепочка серебряная белая горочатая»³⁸. Ярославская панагия представляет собой овальную пластину, обрамленную металлическими лучами, к концам которой припаян тонкий обруч. Сцена коронавания Богородицы выполнена в сиреневато-желтых тонах. Панагия подписная и датируется 1762 годом. Панагия из описи архиерейского дома могла быть создана в это время, так как она упоминается среди вещей Арсения Мациевича, арестованного в 1763 году. Профессиональный рисунок, умелое построение композиции, яркие, но довольно плотные фиолетовые, коричневые, желтые краски позволяют предположить киевское происхождение панагии. Ее автор — не новичок в миниатюрной живописи на эмали, в его письме не заметно реминисценций иконописной техники, возможно, он был профессиональным эмальером, а не переучившимся иконописцем. Панагия была бы для нас менее интересна, потому что могла быть привозной если бы на нее или на другие произведения того же направления не были ориентированы другие работы, представленные в экспозиции Ярославского музея, близкие по времени к панагии. Те же малиновые, сиреневые, желтые тона, фон — пурпурный или цвета суртуча. Краски яркие, насыщенные, далеки от легких разбеленных эмалей конца XVIII века. Возможно, эти дробницы представляют собой круг ушедших из Ростова работ первых местных финифтянщиков.

Мастерская при архиерейском доме просуществовала до конца 1770-х годов. Так, если в 1778 году иеромонах Аллиппий просит казначея архиерейского дома Мельхиседека подобрать для вновь перенизывающейся митры «мелких дробниц для лучшего украшения»³⁹, то в 1779 г. в приходо-расходных ведомостях говорится уже о платеже за купленные финифтяные штуки⁴⁰.

Итак, на основании вышесказанного, мы можем достаточно определенно говорить, что в 60—70-х годах XVIII века в Ростове при архиерейском доме существовала финифтяная мастерская, которая, возможно, положила начало ростовской финифти.

¹ Фуртов К. Финифтяное производство. Пособие для мастеров. М., 1911.

² Титов А. Кустарные промыслы Ярославской губернии. Финифтяный промысел. Ярославль, 1902.

- ³ Фуртов К. Ук. соч. С. 5.
- ⁴ Титов А. Ук. соч. С. 3.
- ⁵ Суслов И. М. Ростовская эмаль. Ярославль, 1959.
- ⁶ Там же. С. 13.
- ⁷ Кривоносов В. Т. Огненное письмо. Ярославль, 1977.
- ⁸ Шитова Л. А. Живописные эмали в собрании Загорского музея-заповедника. Каталог, М., 1988; Она же. К истории Ростовской эмали XVIII—XIX вв. // Древнерусское и народное искусство в собрании Загорского музея-заповедника, М., 1990; Она же. К проблемам развития Ростовской эмали XVIII—XIX вв. // Сб. докладов на конференции «70 лет советской Ростовской финифти». РЯ АХМЗ, 13—14 окт. 1988 г. [Ростов, 1989].
- ⁹ РЯАХМЗ, Р-1083.
- ¹⁰ Летописец о ростовских архиереях. с примеч. А. А. Титова, СПб., 1890. С. 22.
- ¹¹ Забелин И. Историческое обозрение финфтяного и ценнинного дела в России в сб.: Записки Императорского археологического общества. Т. VI, СПб., 1853. С. 306.
- ¹² РЯАХМЗ, Р-1083, Л-51.
- ¹³ Там же, Л-2 об.
- ¹⁴ Там же. Л-51 об.
- ¹⁵ Суслов И. М. Ук. соч. С. 13.
- ¹⁶ Постникова-Лосева М. М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера XVI—XIX вв. М., 1974. С. 15.
- ¹⁷ Там же. С. 154.
- ¹⁸ РЯАХМЗ, Р-1099.
- ¹⁹ Там же, Л-20.
- ²⁰ Летописец о ростовских архиереях. С. 46.
- ²¹ Шитова Л. А. К проблемам развития Ростовской эмали XVIII—XIX вв., доклад на конференции в Ростовском музее-заповеднике, 1987 г.
- ²² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. XXXIV, 1754. СПб., 1912. Приложение X.
- ²³ Соловьев С. История России с древнейших времен. Изд. 2-е, СПб., Б. Д. С. 1082.
- ²⁴ РЯАХМЗ, Р-1099, Л-193, 193 (об.).
- ²⁵ Летописец о ростовских архиереях. С. 49.
- ²⁶ Описание документов и дел... С. 670.
- ²⁷ Шитова Л. А. К истории ростовской эмали XVIII—XIX вв. С. 97.
- ²⁸ РФ ГАЯО, ф. 341, оп. 1, ед. хр. 5, л. 6.
- ²⁹ РФ ГАЯО, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 5.
- ³⁰ РФ ГАЯО, ф. 118, оп. 1, ед. хр. 13.
- ³¹ Летописец о ростовских архиереях. С. 53.
- ³² Иеромонах Арсений. Исторические сведения об иконописании в Троице-Сергиевой лавре // Сборник на 1873 год, изданный обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873. С. 123—124.
- ³³ РЯ АХМЗ, Р-1099, Л. 21.
- ³⁴ Там же, л. 194 об.
- ³⁵ Суслов И. М. Ук. соч. С. 39.
- ³⁶ РФ ГАЯО, ф. 341, оп. 1, ед. хр. 5, л. 6.
- ³⁷ Там же, л. 53.
- ³⁸ РЯ АХМЗ, Р-1099.
- ³⁹ ГАЯО РФ, ф. 197, оп. 1, ед. хр. 6958, л. 2.
- ⁴⁰ РФ ГАЯО, ф. 341, оп. 1, ед. хр. 120, л. 115.